

Л. ВОЛКОВ

Новая религиозность и неонационализм

I

Революционное движение 1904—1907 годов по преимуществу инородческое, происходившее под флагом космополитизма и международного пролетариата, не могло в итоге не разбудить религиозного и национального чувства в некоторых представителях той части русского общества, которая принимала участие в «освободительном» движении. Слишком уж бессмысленно и тупо было отрицание религиозных начал и церкви, которым щеголяли руководители нашей революции, слишком уж высокомерно и бесцеремонно относились эти руководители к историческим устоям русской жизни и к русскому национальному чувству! В самом деле, в последнее время выдвинулся целый ряд фактов, свидетельствующих, что в тех слоях, в которых религиозное и национальное чувства до недавнего времени казались совершенно вытравленными, чувства эти начинают просыпаться. Указание на это вырождение есть и в нашей левой литературе и журналистике, и к числу таких указаний надо отнести выступление в прошлом году П. Б. Струве в «Русской мысли» с теорией «национального лица» и появление весной этого года сборника «Вехи», выдержавшего в короткое время 4 издания. «Революция 1905—1906 годов, — говорит в предисловии к этому сборнику г. Гершензон, — и последовавшие за ней события явились как бы всенародным испытанием тех ценностей, которые более полувека как высшую святыню блюла наша общественная мысль». Г. Гершензон признает революцию неудавшеюся, видит в неудачном исходе ее поражение интеллигенции и говорит, что «это поражение... потрясло всю массу интеллигенции и вызвало в ней потребность проверить самые основы ее традиционного мировоззрения, которые

до сих пор принимались слепо на веру, а тем, кто в общем сознавал ошибочность этого мировоззрения, дало возможность яснее уразуметь грех прошлого и с большей доказательностью выразить свою мысль» (*Вехи*, с. II и III). Авторы статей в сборнике «Вехи» отрицают теории исторического и экономического материализма и выдвигают религиозное и национальное начала. О необходимости будить в русском обществе религиозное чувство говорит и г. Минский (Виленкин)¹ в своей статье «Народ и интеллигенция», напечатанной в сентябрьской книжке «Русской мысли». Г. Минский, издававший в конце 1905 года в Петербурге «Новую газету» с девизом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», говорит теперь о «национальном облике» и пишет: «Как на отрадный симптом можно указать на тот всеобщий интерес к религиозным вопросам, который внезапно заменил недавнее высокомерное равнодушие» (*Русская мысль*. Сентябрь 1909. С. 109). А на днях появился в Москве сборник под заглавием «Куда мы идем?» издательства «Заря». В этом сборнике г. Батюшков² заявляет, что «русская интеллигенция до последнего времени носила “сектантский характер”, затворялась от многих запросов свободного духа, которого главное назначение — творить правду и красоту». Наша интеллигенция, по мнению г. Батюшкова, должна переродиться: «В новой интеллигенции, — продолжает он, — не должно быть вражды ни к чистому знанию, ни к самодовлеющей красоте, ни к философской и религиозной мысли, стремящейся к чистому пониманию» (с. 1 и 2). С. Котляревский в этом же сборнике находит, что «характерной чертой момента является движение от отвлеченного космополитизма к более глубокому национальному самосознанию» (с. 91), а Д. Философов полагает, что теперь «вопрос о Боге и его сущности стал самым первым в сознании русского общества». «Слишком измучилась современная русская душа, чтобы не тяготеть к этому вечному вопросу» (с. 122), — восклицает он.

Итак, те, которые считают себя вожаками «передовой русской мысли», заговорили новым языком и о новых вопросах. Они выступают теперь против «утилитарно-позитивного миропонимания» и против космополитизма и говорят о Боге, вечной красоте и национализме. И если они заговорили на эти темы, то это обстоятельство служит подтверждением того факта, что в русском обществе наблюдается теперь возрождение религиозного и национального чувства. Заметив это пробуждение и желая сохранить за собой «славные посты» «руководителей интеллигенции», наши «передовые» публицисты обратились к

вопросам веры и народности, стали «искателями божественной истины» и «национальности», и только немногие из них ополчаются против нового движения, оставаясь правоверными: так, например, известный «кадет» Родичев³ очень недоволен новым движением и называет это движение в том же сборнике «Куда мы идем?» — реакционным. Недоволен и г. Кокошкин⁴, тоже небезызвестный «кадетский» деятель. «Меня смущает, — пишет он («Куда мы идем?», с. 90), — что разочарование оказалось так сильно и повлекло за собой такую апатию, дезорганизацию, бросание из одной крайности в другую. В этом разочаровании, мне кажется, еще больше неопытности, чем в прежних преувеличенных надеждах... Отмечая эти отрицательные явления, свидетельствующие о недостатке устойчивости и упорства в некоторых слоях русского общества, я считаю, однако, долгом сказать, что вся история русской интеллигенции заставляет меня верить, что она благополучно выйдет из переживаемого ею кризиса, не изменив своим исходным принципам, которые я считаю правильными». Но успех, по-видимому, теперь на стороне не гг. Родичева и Кокошкина, твердо заучивших по «кадетскому руководству» г. Кизеветтера «кадетские азы», а гг. Струве, Гершензона и др., примыкающих к новому течению, и даже г. Кизеветтер, если не изменил своему «руководству», то все же оказывает попустительство новому течению, так как оно находит сочувственный отзыв в редактируемой им вместе с П. Струве «Русской мысли».

Но в чем же заключается предполагаемое нашими «вождями трудовой части общества» решение религиозного и национального вопроса?

II

Во взглядах на вопросы веры и церкви у представителей того течения, которое выразилось в «Вехах» и в сборнике «Куда мы идем?», — нет однообразия. Часть из них верит во Христа как Богочеловека, признает чудеса и не желает порывать с православной церковью, весьма, впрочем, своеобразно понимая значение и задачи церкви; часть же открыто становится во враждебные отношения к церкви и, отрицая божественность Христа, зовет русскую интеллигенцию примкнуть к рационалистическому сектанству. «Существующее православие, — говорит г. Изгоев в сборнике «Куда мы идем?» (с. 73), — слишком тесно связано с господствующим политическим дес-

потизмом, чтобы оно могло содействовать водворению в России правового строя». Г-жа Венгерова⁵ заявляет в том же сборнике (с. 21): «Самое интересное проявление нового национализма — связь интеллигенции с русским сектантством». А г. Минский (Виленкин) в своей статье «Народ и интеллигенция» в сентябрьской книжке «Русской мысли» ополчается против тех писателей своего лагеря, которые не хотят уйти из православной церкви, и доказывает, что рознь, возникающая между народом и интеллигенцией в реформаторской деятельности Петра, затирается на наших глазах в реформаторской деятельности Толстого. «Религиозная мысль Толстого — вот мост, перекинутый через историческую бездну» (с. 10). Он говорит, что русская интеллигенция надеялась было найти исход своим религиозным запросам в старообрядчестве, но скоро разочаровалась и обратилась к рационалистическому сектантству. «Если взять протестантство, — рассуждает он (в «Русской мысли», сентябрь, с. 105), то увидим, что во главе его стояли в первом поколении такие столпы тогдашней светской учености, как гуманисты Эразм, Рейхлин, Меланхтон⁶, и во втором поколении такие светила теологии, как Фридлянд, Штурм, Неандер, Вольф⁷. У нас же дело реформации совершено усилиями полуграмотных Сусловых, Лупкиных, Рябошапок, Ратушных. Поэтому наше протестантство, будучи менее глубокомысленным, чем европейское, далеко превосходит последнее по смелости и прямоте устремлений».

Вот куда г. Минский зовет русскую интеллигенцию, в которой проснулось религиозное чувство. Интересно отметить, что из православного духовенства перешел в старообрядчество еврей по рождению М. Семенов и что теперь пропагандистами рационалистического сектантства являются еврей — Минский (Виленкин), Венгерова и Изгоев (псевдоним). Если в числе наших новых «богоискателей» — как называет г. Минский Н. Бердяева, Философова, Луначарского и их единомышленников — есть заблуждающиеся, но искренние люди, то трудно, конечно, ожидать искренности от новоявленных еврейских пропагандистов сектантства. Что общего между г. Виленкиным-Минским, петербургским еврейским адвокатом, сотрудничавшим в западническом «Вестнике Европы», а затем издателем социал-демократической газеты, и нашими темными сектантами, жизнью которых г. Минский никогда не жил и психологии которых он, как еврей, и понять-то не в состоянии! Что общего между нашими «самосожигателями» и г. Минским, пропагандировавшим революцию в 1905 году по Марксу, а затем благополучно

уехавшим в Париж и пропагандирующим теперь сектантство! Вряд ли можно сомневаться в том, что все эти господа Минские, заметив пробуждение религиозной мысли и чувства в известной части русского общества, хотят овладеть этим движением и направить это движение под новым флагом религиозности в русло революции, которой они служили и служат! Нашим революционерам казалось, а некоторым из них, как, например, Кокошкину и Родичеву (отношение их к новому движению отмечено нами в первой статье), кажется и до сих пор, что русский народ можно отвлечь от православия на путь атеизма и материализма, но революционное движение 1904—1907 годов убедило более вдумчивых из числа неких «освободителей», что атеизм и материализм в итоге бессильны в борьбе с православной церковью. Одни из них стали искренно искать Бога, а другие, служа прежнему материализму и революции, избрали новые орудия для борьбы с церковью в надежде, что эти орудия окажутся более действительными. Они подменяют христианство подделкой под него, надеясь, что их слушатели и читатели примут эту подделку за подлинное христианство и что, таким образом, православие будет сильно подорвано.

Подменявая христианство сектантским фальсификатом, гг. Минский, Венгерова, Изгоев и их соратники пытаются также подменить русский здоровый национализм каким-то неонационализмом. Года два тому назад было изобретено неославянофильство, а теперь очередь дошла до неонационализма. Г-жа Венгерова отличает этот национализм «от русского патриотизма, отразившего национальную идею в некоторых западных странах» («Куда мы идем?», с. 21), а г. Изгоев так определяет этот неонационализм: «При разговорах о современных национальных течениях надо прежде всего исключить Царство Польское и Финляндию, где вопрос ставится исключительно политически. Но националисты, по моему мнению, чужды каким бы то ни было ограничительным тенденциям. По моему личному мнению, великорусский элемент должен играть в России такую же роль, как английский в Соединенных Штатах. Формирование русских национальностей не закончилось даже с этнографической точки зрения, и оно продолжает впитывать в себя множество разнообразных элементов» («Куда мы идем?», с. 74), то, значит, русская национальность не есть определившаяся и самоопределившаяся национальность, а еще не вполне сложившийся этнографический материал, а если так, то в чем же состоит русский национализм? Что же касается русской национальной культуры, то в этом же сборнике «Куда

мы идем?» гр. де Ла-Борт говорит о ней: «Есть античная легенда о том, что после пожара Коринфа жители этого города нашли металл более драгоценный, чем все известные тогда металлы. Образовался он из сплава всех металлов, находившихся в сгоревшем городе. Русская культура и должна в будущем представлять собой такой драгоценный сплав культур других народностей» (с. 154). Итак, русская культура должна быть — сплавом чужих культур. Хороша «национальная» культура! Приведенных цитат, думается, вполне достаточно, чтобы убедиться, что под флагом национализма неонационалисты пропагандируют космополитизм, который наши «освободители» клали в основу и революционной пропаганды. Они взяли новые слова для своей пропаганды, но цели ее остались прежние.

*(Московские ведомости. № 249, 30 октября
(12 ноября) 1909, с. 1—2; № 250, 31 октября
(13 ноября) 1909, с. 1)*

